

Возможные уровни анализа игрового поведения в исторической психологии

Данилова А.Г.

**ФГБУН «Всероссийский институт научной и технической информации
Российской академии наук» (ВИНИТИ РАН), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3548-372X>, e-mail: a_g_danilova@mail.ru**

Цель. Обсуждение возможностей применения понятий и методов транзактного анализа при анализе описаний поведения, представленных в исторических нарративах.

Контекст и актуальность. Современный корпус историко-психологических исследований составлен трудами, выполненными с позиций различных методологических подходов. Актуальна необходимость терминологического согласования понятий, используемых в парадигмах разных научных подходов.

Используемая методология. Как пример междисциплинарного поля исследований рассмотрен феномен социальной игры. Проведено сравнение психотерапевтической концепции игры Э. Берна и культурологической концепции игры Й. Хейзинги. Сопоставлены выделяемые в рамках каждого подхода элементы, ключевые для игрового поведения, терминологическая структура обоих подходов. Рассмотрена трактовка понятий «игра» и «ритуал» у обоих авторов, их подходы к анализу сценарного планирования и межпоколенной передаче паттернов поведения. Выявлена возможность использования понятий обоих подходов в рамках историко-психологических задач в составе непротиворечивой терминосистемы. С учетом межпоколенного механизма трансляции игр и жизненных сценариев обсуждаются перспективы применения анализа социальных игр в исторической психологии. С опорой на данные истории и литературоведения приведен пример межкультурной трансляции социальной игры и динамики связанной с ней ценностных ориентаций.

Основные выводы. Показана принципиальная возможность использования понятий и принципов транзактного анализа в исследованиях поведения людей прошлого. Использование нескольких уровней анализа, охватывающих различный масштаб взаимоотношений (межличностные, групповые, межгрупповые/макрогрупповые), позволит проследить в поведении общее (структура взаимодействий) и специфические черты (контекст, социальная среда, особенности передачи). Исследование носит предварительный характер.

Ключевые слова: историческая психология, игра, транзактный анализ, культурология, социальные ценности, личностные ценности, символы.

Для цитаты: Данилова А.Г. Возможные уровни анализа игрового поведения в исторической психологии // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 71–86. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110406>

Possible Levels of Analysis of Game Behavior in Historical Psychology

Anna G. Danilova

All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy
of Sciences (VINITI RAS), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3548-372X>, e-mail: a_g_danilova@mail.ru

Objectives. To discuss the possibilities of applying concepts and methods of transactional analysis in studying of behavior descriptions presented in historical narratives.

Background. The modern research corps of historical and psychological research is composed of works performed from the standpoint of various methodological approaches. The actual necessity is the terminological coordination of concepts used in paradigms of different scientific approaches is noted.

Methodology. The phenomenon of social play is considered as an example of an interdisciplinary field of research. A comparison of the psychotherapeutic concept of the game by E. Berne and the cultural concept of the game by Y. Huizinga is made. The key elements of game behavior that are highlighted in each approach are compared. The terminological structure of both approaches is compared. The article considers the interpretation of the concepts of “game” and “ritual” in both authors, their approaches to the analysis of scenario planning and intergenerational transmission of behavior patterns. The possibility of using the concepts of both approaches in the framework of historical and psychological problems as part of a consistent term system is revealed. Taking into account the intergenerational mechanism of games broadcasting and life scenarios based on them, the prospects for applying the analysis of social games in historical psychology are discussed. This consideration is illustrated by an example of cross-cultural transmission of social game and associated values’ dynamics, based on data from historical and literary studies.

Conclusions. It is possible to use the concepts and principles of transactional analysis in research of the behavior of people of the past. The use of several levels of analysis covering different scopes of relationships (interpersonal, group, intergroup/macrogrou) will allow us to trace the general behavior (structure of interactions) and specific features (context, social environment, transmission features). The study is preliminary in nature.

Keywords: historical psychology, game, transaction analysis, culturology, social values, personal value orientations, symbols, rituals.

For citation: Danilova A.G. Possible Levels of Analysis of Game Behavior in Historical Psychology. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 71–86. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110406> (In Russ.).

Историческая психология — междисциплинарная наука, призванная изучать психическую жизнь людей прошлого. Имея, сравнительно с другими отраслями психологического знания, малый корпус исследований, она ставит перед собой широчайший спектр задач от проблем происхождения сознания и мышления, эволюции личности и индивидуальности до исторической мотивации

поведения людей, закономерностей и культурно-исторической обусловленности нравов и традиций [9].

Методологией психологических исследований психики людей прошлого в разных научных школах являются: интерпретационизм, реализующий методы понимающей психологии; генетизм, исследующий историогенез психических процессов и структур (И. Мейерсон,

К. Маннгейм, Франкфуртская школа); психоистория — психоаналитический подход к изучению личности и массовых движений [12]; биографический метод (Э. Эриксон, В. Райх) [18]. Исторические подходы к анализу психики людей прошлого опираются на герменевтически-феноменологический подход и методы исторической реконструкции, предложенные в рамках «новой истории» (школы «Исторического синтеза», «Анналов») и направленные на воссоздание картин коллективной жизни отдельных эпох [23; 36]. Богатым источником методологических идей и данных являются другие науки о человеке: этнопсихология, социология, культурная антропология, семиотика, лингвистика, культурология, история искусства, литературоведение, этнография, антропология (Э. Тейлор, Л. Леви-Брюль, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Риккерт, У. Эко, Г.Г. Шпет, П.А. Сорокин, Ю.М. Лотман, Б.Ф. Поршнев, А.Н. Лосев, Д.С. Лихачев и др. [15; 32; 51]). Отечественные психологи рассматривали методологические возможности синтеза психологии и культурно-исторических наук в рамках культурно-исторической школы (объективный метод структурно-семиотического анализа продуктов цивилизации В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили [14]). Анализ развития и современного состояния теорий исторического развития психики на примере школы «Анналов» проводили историк А.Я. Гуревич [11], психолог Л.И. Анцыферова [30]. Обобщение накопленного материала и методологические решения предлагали в 1980-е — 2010-е гг. И.Г. Белявский [4], В.А. Шкуратов [41], Е.Ю. Боброва [8], В.А. Кольцова [17; 18]. Количественные методы в изучении представлений о прошлом использовали исследователи, работающие под руководством Дж. Пен-

небейкера, Дж. Лью, Д. Паеза [47; 50]; в России — Е.Ю. Артемьева [2], В.Ф. Петренко и О.В. Митина [27].

Многоуровневость предметного поля исторической психологии требует организации исследования с выходом на несколько последовательных уровней обобщения. В современной исторической психологии используются понятия из области общей, социальной, этнической психологии, психологии личности, а также понятия, пришедшие из смежных областей знания, и авторские термины. Это позволяет описывать и сопоставлять феномены разного уровня, однако различие парадигм и нюансы трактовки понятий в разных науках могут привести к смешению смыслов и вынуждают к дополнительным оговоркам: «Слово “структура” употреблено мною не в том смысле, который предпочитает Леви-Стросс» (В. Тернер [35, с. 219].) Проблематично использование авторских терминов: и Б.Ф. Поршнев, и М. Шелер описывают ситуации социального противостояния как процесс возникновения и торможения аффекта, но сопоставить термины «ресентимент» и «контрсуггестия» затруднительно [29; 40]. Для методологически корректного сопряжения понятий, относящихся к разным подходам, необходимы дополнительные усилия. А.А. Королев провел сопоставление определений понятия «ментальность», даваемого философами, социологами, психологами разных направлений, и получил спектр характеристик, значимых для представителей разных наук, работающих с этим понятием [21].

Материалами историко-психологического исследования, как правило, являются разнообразные тексты, а также произведения визуальных искусств. Доступность представленной в них информации обусловлена стилистическими и жанровыми

нормами эпохи, случайными (сохранность) и неслучайными (цензура) лакунами и включенностью исследователя в социокультурный контекст эпохи. Последнее может быть связано с преемственностью культурной традиции либо с приобретенной компетентностью, а тогда зависит от адекватности представлений о культурах прошлого. Работа с текстом определяет специфику исследовательской процедуры, которая всегда включает элемент герменевтики. Другой методологической особенностью исторической психологии является невозможность непосредственных измерений. Исследователь вынужден пользоваться тем материалом, который есть: извлекать из авторских текстов или из косвенных данных (хозяйственные записи, археология) информацию, которую можно рассматривать как психологические прокси-переменные. Проблема валидности трактовки этих «прокси» упирается в количество подаваемой информации по теме и стабильность ее подачи. Поэтому историческому психологу важно выбирать систему понятий и выстраивать терминологическую структуру: а) адекватную представлениям и социальным реалиям исследуемой эпохи; б) выдерживающую стилистические и жанровые особенности текстов прошлого; в) непротиворечивую в пространстве мультидисциплинарного исследования; г) совместимую внутри психологических парадигм.

Исследования игры в культуре

Примером мультидисциплинарности могут служить исследования феномена игры, являющейся предметом изучения многих наук о человеке — философии, культурологии, антропологии, психологии и др. Философские подходы к игре в основном направлены на изучение цивилизационных функций игрового по-

ведения. О. Финк, вслед за Хейзингой оценивая игру как искусство, связывает ее с переживанием счастья и образом будущего. Х. Гадамер также рассматривает игру в контексте эстетической деятельности, но трактует ее как деятельность, наделенную сакральной серьезностью. У Ж. Деррида функция игры — переоценка устоявшихся ценностей и разрушение устаревшего, а причина — потеря чувства бытия и распад логики. М.М. Бахтин понимает игру как образ, при помощи которого историческая эпоха осмысляет действительность [43; 52]. Социологи изучают социальные функции игры. Р. Кайуа предлагает типологию игр по преобладанию мотива — состязательности, случайности (азарта), симуляции (подражания) или головокружения (растормаживания) [20]. Исследования символического поведения проводились в парадигме символического интеракционизма (Дж. Мид, Г. Блумер) [16]. Игры как элемент континуума символического поведения рассматривают А. Ван Геннеп (ритуалы перехода), В. Тернер (феномены антиструктуры, социальные процессы), Г. Бейтсон (теория игры и фантазии), И. Гоффман (фрейм-анализ) [43], М. Карлсон (перформанс) [44].

Социальная игра имеет коммуникативные, поведенческие, ценностные, когнитивные, знаково-символические аспекты; охватывает ин- и аутгрупповые отношения разных уровней; включает внутриличностные, межличностные, межпоколенные структуры; реализует различные задачи от формирования Я-концепции до группового позиционирования. Объединяет их символический характер и оценочный механизм: поведение, одежда, произведения искусства формируют образ человека/группы, который нравится или нет, перенимается или осмеивается и, соответственно, распространяется или ис-

чезает. Эти феномены действуют синкретом, но являются предметом различных областей психологии: психологии личности, психологии группы и групп, ценностей, психологии искусства, массовой коммуникации, моды, наконец, политической психологии.

Для того, чтобы иметь возможность говорить о психологии человека прошлого на психологическом языке, привлекая данные другой науки, необходимо сопоставить терминологию обеих наук, чтобы сказать: в пределах такого-то класса явлений, оговорив такие-то ограничения, можно считать, что эти понятия перекрываются, и их допустимо использовать в формате одной парадигмы.

Терминологическая структура подходов Э. Берна и Й. Хейзинги

Принадлежа к различным научным направлениям (транзактный анализ и культурология), Берн и Хейзинга во многом совпадают в трактовке социальной игры как формы латентного символического поведения, где восприятие символика лежит на грани осознаваемого и бессознательного; оба исследователя рассматривают наряду с игрой сопряженные феномены — ритуалы, оформление конфликта, межпоколенную передачу культурной нормы. При этом они обсуждают феномены разного уровня: один — внутри- и межличностные явления, другой — большие группы, культурные нормы и ценности. Сопоставление этих подходов позволит проследить, что происходит на стыке рассматриваемых уровней, как взаимодействуют личностные и культурные ценности, как трансформируются эти ценности во взаимодействии между собой, как транслируются эти ценности в интрагрупповом и

межгрупповом контактах. Исследований в рамках общей или социальной психологии, сравнивающих подходы Берна и Хейзинги к изучению игрового поведения, нет, поскольку не возникает задачи, требующей такого сравнения. В исторической психологии, поскольку в текстах прошлого личностные феномены часто представлены описаниями социального поведения, сопоставление этих уровней может быть полезно в разработке категориальных сеток и инструментария исследований. В изучении динамики символического поведения социального и личностного уровней историко-психологическое поле может быть особенно удобным, отражая длинный тренд.

Берн вводит понятия структурирования времени и планирования как его операционального аспекта. Способами структурирования времени являются ритуалы, времяпрепровождение, игры, близость, деятельность. Выделяя формальные аспекты ритуалов и полуритуального поведения, лежащего в основе времяпрепровождения [7], а также определяя *поглаживания* как любой акт, предполагающий позитивно окрашенное «признание присутствия другого человека» [7, с. 10], игрой Берн называет «последовательности транзакций, основанные, в отличие от времяпрепровождения, не на социальном, а на индивидуальном планировании... Различные варианты одной и той же игры могут на протяжении нескольких лет лежать в основе... отношений внутри различных групп» [7, с. 12]. Поддержание психического равновесия вследствие вознаграждений, полученных в результате социального контакта, обеспечивается за счет: снятия напряжения; избегания психологически опасных ситуаций; получения *поглаживаний*; сохранения достигнутого равновесия. «Выигрышем» являются первичные

внутренние и внешние вознаграждения (психологические защиты) и вторичные социальные вознаграждения, а также связанные с жизненной позицией экзистенциальные вознаграждения [7]. Особенностью, позволяющей классифицировать набор транзакций как игру, Берн называет *переключение и замешательство*, после которых игроки подсчитывают полученные психологические *купоны*. Вместе с тем в «хороших» играх («Кавалер», «Смотри, мама, какой я молодец») фазы фрустрации нет; участники придерживаются нерегламентированных социальной нормой приятных для них ролевых позиций. Берн рассматривал и групповые процессы в терминах косоугольных транзакций [42], но, поскольку эта работа лежит в контексте организационной психологии, экстраполировать ее, скажем, на средневековый социум линейно нельзя.

Й. Хейзинга описывает игру «социального характера» как взаимоотношения, для которых характерны: безусловность «физической необходимостью, тем более моральной обязанностью» [37, с. 18], правила и эстетический фактор, элемент напряжения и стремление к его разрядке, таинственность, тенденция к формализации. Хейзинга называет игру «деятельностью, которая осознается как “невзаправду”... выполняемое занятие, однако она может целиком овладевать играющим, не преследует при этом никакого материального интереса... которая совершается внутри намеренно ограниченного пространства и времени, протекает упорядоченно, по определенным правилам и вызывает к жизни общественные группировки, предпочитающие окружать себя тайной... его участники верят, что выполняемые действия способствуют достижению некоего значимого блага, соответствия высшему порядку

вещей» [37, с. 25]. Отказ от участия в игре межличностного уровня вызывает негативные эмоции, но не сопряжен с наказанием и не влияет на жизненную траекторию субъекта. Отказ от игры социального уровня влечет за собой санкционированную кару со стороны общества, как показал П. Хенри в анализе сюжета «Постороннего» А. Камю [48]. Выход из игры связан с разочарованием либо отрезвлением и воспринимается как предательство: мошенники и лицемеры, соблюдающие внешнее выполнение правил, наказываются менее тяжело, чем отступники — еретики, неопиты, узники совести. Нарушители игры часто «образуют новое сообщество с новыми собственными правилами... и почти всегда обладают сильно выраженным игровым характером» [37, с. 23]. Таким образом, культурологический и транзактный подходы к игре фиксируют ряд общих черт у игр социокультурного и межличностного уровня: создание напряжения и разрядка, обеспечивающая получение удовлетворения; тенденция к формализации, установление правил; необязательность/материальная незаинтересованность; скрытность (игры 2-й степени, Берн [6]); группообразование как итог; продолжение воздействия игры вне контекста собственно игровых транзакций; возможность прерывания игры вследствие выхода на рациональный уровень, в частности, спровоцированного нарушением правил партнерами по игре.

Различный уровень анализа определяет различия в выделенных характеристиках игры. Хейзинга, оценивая игру как культурообразующую функцию, отмечает ограниченность пространственно-временными условиями; обособленность от обыденной жизни; бескорытность; конкурентность; непредсказуемость результата. Берн, рас-

сматривая игру как элемент жизненного сценария, атрибутирует ей включенность в обыденную жизнь; наличие скрытых мотивов; выигрыш; бессознательность; предсказуемость результата. Берн предлагает формулу игры, куда входят элементы *приманка, зацепка* (слабое место — эмоционально окрашенная социальная уязвимость), *отклик, переключение, замешательство, выигрыш* индивидуально-психологического уровня [7].

Ни тот, ни другой автор не связывают игру с социальными ценностями, между тем как группообразование основано именно на них; зато оба отмечают установление правил как процесс формирования игры в конкретной группе. Можно предположить, что в игровой деятельности происходит формирование ценностей операционального уровня.

Оба исследователя выделяют ритуал как упорядоченную систему действий (в т.ч. вербальных), поддерживающую социальные взаимоотношения и направленную на упрочение групповой структуры, обеспечение сплоченности и умиротворения членов группы. У Й. Хейзинги ритуал, не являясь игрой, включает игровые элементы и опирается на образно-символическую структуру. Его важной психологической чертой является группообразующее полуверие: «и колдун, и околдованный — оба в одно и то же время и знают, и обманываются» [37, с. 36]. У Э. Берна ритуал — выродившаяся «загрязненная» (т.е. основанная на диагональных трансакциях) целесообразная процедура, трансформировавшаяся в символ лояльности. «Формальный ритуал» как исторически сложившаяся форма символического поведения дает меньше возможностей для выбора поведения, чем коммуникативный, зависящий от актуального контекста общения. Берн отмечает возможность сценарно

санкционированного освобождения Ребенка в ходе формального ритуала, что ведет к оргии. Оба автора подчеркивают авторитарный механизм и диагональную структуру ритуальных трансакций.

Согласно Берну, игры являются частями более сложной последовательности трансакций, определяющей основные элементы жизненного плана человека, а иногда и ключевые события жизни. Излюбленное времяпрепровождение, стиль реагирования на жизненные ситуации составляют бессознательно формирующийся жизненный сценарий, который формулируется в ключевой фразе, называемой «надписью на футболке». Отметив, что «сценарий не лежит глубоко в бессознательном» [7, с. 285] и может частично осознаваться, Берн показывает роль родительских предписаний и родительских сценариев в формировании сценария личности: «если родословная семьи зафиксирована на бумаге, что нередко бывает в случае с королями и знатью, сведения о них уходят далеко в глубь веков... нет оснований полагать, что сцены, акты и исход... отличались от тех, которые мы имеем сейчас» [7, с. 203]. Разработанные последователями Берна концепции скриптов как убеждений, обосновывающих решения, реализующие жизненный сценарий, и рэкетных чувств как усвоенных предписаний социально желательного поведения [24; 45; 46] могут послужить инструментами изучения поведенческих проявлений отраженной в индивидуальной психике групповой ментальности, зафиксированной в проповедях и поучениях.

Определение распространенности тех или иных игр и сценариев того или иного типа в связи с теми *зацепками* и *выигрышами*, которые значимы для социальной группы и общества в целом, могло бы углубить наши знания о динамике и цене

социальных процессов. Ведь общество, где популярна игра «Ну что, попался, негодяй», отличается от игроков в «Они будут счастливы, что знали меня» и по характеру межличностных отношений, и по социальным ожиданиям, и по историческим результатам.

Й. Хейзинга не анализирует поведение индивидов на протяжении отдельных судеб, но в приводимых им примерах присутствуют эффекты сценарного планирования. Рыцарский девиз — это «футболка»: «Когда это будет?»; «Стремись вперед»; «В другой раз — лучше»; «Больше горе, чем радость» [38, с. 258]. Так же как Берн, Хейзинга отмечает фамильную преемственность поведения: «поэма героического высокомерия» рода герцогов Бургундских [38], накопительство и сутяжничество семьи д'Оржемон [38].

Примеры отражения сценарных предписаний в исторических нарративах

Эффекты формирования индивидуального сценария могут быть рефлексированы представителями прошлых эпох во вполне берновских понятиях. Пьер Абеляр (1079-1142) прямо связывает родительский стиль своего отца и собственный жизненный сценарий: «Он позаботился о том, чтобы я, его первенец, имел тем больше любви, чем усерднее образовывался» [26, с. 4]. Специфически историческим механизмом формирования жизненного сценария может быть предсказание. Характеризуя римского полководца Аэция Флавия (IV в.), Григорий Турский (VI в.) перечисляет его личные достоинства (доброта, отсутствие жадности, неподатливость дурным советчикам, т.е. внутренний локус контроля) и заключает: «Видимо, ему с

малых лет предсказали, к какому положению его предназначила судьба» [10, с. 36] (однако здесь «видимо» может обозначать и интерпретацию задним числом). Можно усмотреть исторические свидетельства формирования деструктивных сценариев. Иоанн Безземельный, родившийся, когда все лены были уже распределены Генрихом II между старшими сыновьями, получает свое прозвище еще в детстве (считается, что от отца, в шутку [49, с. 36]), всю жизнь враждует с родственниками, а став королем, теряет большую часть английских владений во Франции. Прозвище может служить и осознанным инструментом управления сценарием: сын Хальвдана Черного клянется не стричь и не расчесывать волос, пока не завоюет всю Норвегию, и получает имя Харальда Косматого; преуснеп, он остается в истории как Харальд Прекрасноволосый (Harald Haarfager) [34].

Существенное влияние на формирование жизненного сценария оказывают убеждения и верования эпохи — таковы крестовые походы, ожидание конца света в 1000 г., наложившее печать не только на политические цели правления Оттона III (возрождение империи римлян как идеальной христианской империи) и его поведение (римский церемониал, паломничества и покаяния, аскетическое смирение, не соответствующее образу правителя), но, возможно, и на срок его жизни (ум. в 1002 г.) [3].

Сильные признаки игры по Берну имеет история IV Крестового похода, закончившегося вместо освобождения Иерусалима разграблением Константинополя в 1204 г. *Зацепкой* послужило обращение за военной помощью потерявшего власть наследника византийского престола Алексея Ангела. В качестве *переключения* сработало рыцарское представление о чести: Робер де Клари обо-

сновывает нападение крестоносцев на христиан тем, что Бог «хотел, чтобы город был взят — в наказание за предательство греков ... и чтобы все жители были опозорены» [33, с. 54]. Папа Иннокентий III прямо запрещал вмешиваться в дела греков [31], но письмо опоздало, и он узнал о смене цели похода, когда город уже был захвачен (*замешательство*). *Выигрышем*, помимо актуального для крестоносцев материального обогащения, служит чувство восстановленной справедливости и трансцендентной поддержки. Это слияние земного и небесного нельзя отнести на счет схематизма средневекового мышления: в реакции Иннокентия политический и теософский уровни суждений противоположены. Также видя в падении Византии Божий суд, он хорошо понимает тяжелые долгосрочные последствия произошедшего: «...греческая церковь, подвергнутая таким насилиям, подумает, возвращаться ли в послушание апостольскому престолу, и будет видеть в латинянах только пример порока и порождение мрака, и по праву отвергнет их как собак» [28]. Таким образом, игровое восприятие ситуации существует параллельно с деятельностным независимо от религиозной вовлеченности участников.

Прекрасная Дама как социальная игра

Наиболее известной формой игрового поведения в средневековом обществе является куртуазная любовь (*fine amog*), предполагающая платоническое служение даме с соблюдением определенных правил и символики, обменом комплиментами, стихотворениями и сувенирами, принятием и соблюдением обетов и т.д.: «Вокруг дамы (*midons, domna, domna*) расположены действующие

лица: друг (*amics, drud*), ревнивец (*gilos*) и клеветник (*lausengiers*)» [1, с. 30]. Перечисленные, как в транзактном разборе случая, ролевые позиции ясно определяют направление развития событий. Однако, несмотря на полуритуальный характер, игра содержит достаточно возможностей для реализации индивидуальных психологических потребностей. Как объект исследования она удобна тем, что хорошо отражена в исторических и художественных источниках, наглядно отражает как диадный, так и групповой уровень отношений; с ней связана определенная ценностная система.

Комбинация игр «Кавалер» и «Поклонница» просматривается в истории любви поэта Гийома де Машо и Перонеллы д'Армантьер (XIV в.), изложенной в «*Le livre du Voir-Dit*», которая представляет собой переписку, обмен стихотворениями и описание совместного паломничества; в каждом эпизоде целомудрие героев может подтвердить ряд свидетелей — секретарь, камеристка и др., «дабы и через сотню лет о любви нашей говорили хорошо и с почтением» [38, с. 134]. Инициатива литературного знакомства принадлежит Перонелле, так же как и просьба к Гийому описать роман в книге, а игровой характер событий подтверждает сам Хейзинга, с неодобрением замечаящий, что Перонелла, «в сущности, играет и с его, и со своим собственным сердцем» [38, с. 136].

Параллельно существуют бытовые формы межгендерных отношений, имеющие целью брак и ориентированные на классические методы защиты чести барышни — изоляцию и контроль контактов. В столкновении с модой на куртуазные беседы они могут давать драматические результаты, когда светская бойкость невесты, пугая жениха (*переключение*), служит поводом для отказа от

брака («Книга шевалье де ла Тур Ландри для воспитания дочерей его», о собственном опыте [38]).

Культура куртуазной любви характерна для двух традиций: трубадурской и рыцарской. Платоническая куртуазность пришла в Европу от арабов, у которых была продиктована нормой жесткой регламентации межгендерных отношений. Постоянные контакты с Востоком и с испанскими арабами оказали влияние на своеобразие культуры Окситании XI в. с широкими правами горожан и женщин, грамотностью, торговлей, этнической и религиозной толерантностью и развитым светским искусством; окситанский герцог мог быть трубадуром, а горожанин — участвовать в рыцарском турнире [25]. Отсюда куртуазная культура распространилась на север, где почвой для ее принятия стали лежащая в основе рыцарского идеала поведения аскеза первых монашеских орденов, опыт крестовых походов, а также иерархические отношения: дама сердца часто — жена сюзерена [38], то есть совершенно иной социокультурный субстрат. Поскольку окситанцы исповедовали учение катаров, осужденное как ересь и истребленное к 1244 г., они массово бежали в Италию [19] и, видимо, поучаствовали в формировании идей Возрождения: школа *Dolce stil nuovo* (к которой принадлежал Данте) сложилась в Италии в кон. XIII в. [22]. Место переселения определяется не этнической, но ценностной близостью: Этрурия еще в древнем мире была знаменита гедонистическими взглядами и расцветом искусств. Итак, куртуазность одинаково легко принимается как в иерархической, высокорелигиозной культуре севера Франции, так и в демократической культуре юга с ее сетевой организацией.

Примером кросс-культурной трансляции символического поведения может служить «Повесть о Сегри и Абенсера-

хах» (1595 г.) [39]. Эта книга — первый том произведения Хинеса Переса де Иты «Гражданские войны в Гранаде» — не исторический источник, поскольку сама исторический феномен. Героями повествования являются реальные исторические лица, а основные события соответствуют историческим фактам. Абенсерахи — мавры, мусульмане и враги, но их поведение отвечает законам рыцарского поведения и включает основные фабульные элементы игры «Прекрасная Дама»: благородство, подвиги в честь дам, символические подарки, клевету, судебный поединок. Можно предположить, что автор стилизовал повествование под законы жанра рыцарского романа, однако Перес де Ита считал, что пишет исторический документ, и опирался на хроники и народные романсы. Согласно данным литературоведения, психология целомудрия, выражавшаяся в «поэтической системе платонической любви» [22, с. 478], была порождением узритской богословской школы X в., где трактовалась как отражение божественной любви — Ибн Хазм, «Ожерелье голубки»; Ибн Зайдун, «Нуния» и др. [22] (параллельно существовала и другая поэтическая традиция, воспевавшая жизнелюбивые, вакхические темы). На XII—XIII вв. приходится не только расцвет поэзии в христианской Севилье, но и «эпоха великих поэтесс в Гранаде» [22, с. 478], так что светская, образованная, творческая мусульманка не является продуктом литературной фантазии Переса де Ита. Учет социальных обстоятельств создания книги открывает еще один уровень символического поведения: роман имеет политический контекст. Условия сдачи Гранады испанскому королю было сохранение мусульманам свободы, имущества, религии, обычаев и языка, но эти условия были впоследствии наруше-

ны рядом жестких реакционных указов (1502, 1567 гг.). Перес де Ита участвовал в подавлении вспыхнувшего восстания, описание которого составляет второй том хроники. Таким образом, рыцарские образы мавров-мусульман, не искажая культурную реальность, противопоставляют ценностные нормы уходящей эпохи с ее идеалами чести и великодушия прагматичным установкам наступающего Нового времени. Спустя 30 лет будет написан «Дон Кихот» (1605—1615 гг.).

Позднее в европейской культуре складываются другие образы любви, не связанные ни с воздержанием, ни с охраной чести дамы. Широко представленные в новеллах Возрождения, они содержат подчас довольно сложные фабулы обмана, самообмана или взаимного обмана, охватывают все слои общества и существуют на фоне моды на розыгрыши, иногда весьма громоздкие [13]. Наконец, поведение петиметра — шеголя эпохи рококо — предполагает не только любовные подвиги, но и распускание слухов.

Модные формы поведения порождают споры в обществе. Так, в XV в. «Роман о розе» вызвал дискуссию между противниками разврата и борцами с ханжеством, причем среди последних были и духовные лица [38, с. 127]. В русском обществе XVIII в. существовали две оценки петиметров: одни считали их принципиальными грешниками — врагами добродетели, другие полагали, что это безвинная страсть [5]. Возникая, социальная игра запускает процессы группообразования не только за счет непосредственных социальных контактов, но и провоцируя социальную оценку, поляризацию позиций и рефлексию новых социальных групп.

Таким образом, распространение модной социальной игры позволяет проследить динамику трансляции свя-

занных с ней ценностных ориентаций и других, напрямую не зависящих от нее форм поведения. «Берн», «Хейзинга» и «Абенсеррахи» — три возможных уровня анализа динамики социальных ценностей и ее поведенческих проявлений: личностный/межличностный, групповой/культурный и макрогрупповой/кросс-культурный динамический.

Выводы

Использование понятий и принципов транзактного анализа в исследованиях поведения людей прошлого позволяет детально анализировать процессы группообразования, выделяя типовые формы индивидуального планирования поведения. Социальные игры можно рассматривать как маркер возникновения новой социальной группы. Объединение транзактного и культурологического подходов к исследованию социальных игр в формате исторической психологии делает возможным изучение макродинамики группового поведения, в частности, позволяет проследивать межкультурную трансляцию новых форм социального поведения, оценивать закономерности формирования индивидуальных и групповых ценностных ориентаций, предпочитаемых копинг-стратегий, психологических защит. Сочетание нескольких уровней анализа, охватывающих различный масштаб взаимоотношений, позволяет проследить в поведении общее (структура взаимодействий) и специфические черты (контекст, социальная среда, особенности передачи). Следует оговорить необходимость соблюдения осторожности в интерпретациях, вызванную различиями в современных и исторических представлениях о мире и социуме.

Литература

1. Алисова Т.Б., Плужникова К.Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров: Учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2011. 176 с.
2. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука; Смысл, 1999. 350 с.
3. Балакин В.Д. Отгон III // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 65—84.
4. Белявский И.Г. Историческая психология. Одесса: Одесский государственный ун-т, 1991. 250 с.
5. Бердников Л.И. Дерзкая империя: нравы, одежда и быт Петровской эпохи. М.: Изд-во АСТ, 2018. 384 с.
6. Берн Э. За пределами игр и сценариев. Минск: «Попурри», 2007. 464 с.
7. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. СПб.: Специальная Литература, 1995. 398 с.
8. Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 235 с.
9. Большой психологический словарь / 4-е изд.; сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: ФСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. 811 с.
10. Григорий Турский. История франков. М.: «Наука», 1987. 462 с.
11. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 327 с.
12. Демоз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. 512 с.
13. Европейская новелла Возрождения / Под ред. Н. Балашова. М.: «Худ. Лит.», 1974. 654 с.
14. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109—125.
15. Зубкова Е.Ю., Куртиянов А.Ю. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 153—160.
16. Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: Сб. переводов / Отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. 322 с.
17. Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитоновна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 478 с.
18. Историческая психология: предмет, структура и методы: Учеб. пособие / Под. ред. А.А. Королева. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. 166 с.
19. История Италии: в 3 т. Т. 1 / Под ред. С.Д. Сказкина, Л.А. Котельниковой, В.И. Рутенбурга. М.: «Наука», 1970. 580 с.
20. Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007. 304 с.
21. Королев А.А. Историческая психология как интегральная отрасль обществензнания. Некоторые вопросы методологии (взгляд историка) // Историческая психология: предмет, структура и методы: Учебное пособие / Под. ред. А.А. Королева. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. С. 65—88.
22. Крачковский И.Ю. Арабская поэзия в Испании // Избранные сочинения: в 6 т. Т. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955—1960. С. 470—523.
23. Ле Руа Ладюри Э. Монтаню, окситанская деревня (1294—1324). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 536 с.
24. Макаров В.В., Макарова Г.А. Транзактный анализ — восточная версия. Альма Матер, Академический Проект, 2008. 399 с.
25. Осокин Н.А. История альбигойцев и их времени. М.: «АСТ», 2003. 896 с.
26. Петр Абеляр. История моих бедствий. М.: ИФРАН, 2011. 125 с.
27. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантическая реконструкция представлений о прошлом // Историческая психология и социология истории. 2011. № 2. С. 151—178.
28. Письмо Иннокентия III маркизу Монферрату, осуждающее ограбление Константинополя [Электронный ресурс] // Корреспонденция Иннокентия III. Год 8, № 133

- (PL, ССХV, кол. 710-714). URL: <http://century13th.narod.ru/innocent/CXXXIII.html> (дата обращения: 29.11.2019).
29. *Поршнев Б.Ф.* Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // История и психология. М.: Наука, 1971. С. 7–35.
30. *Поршнев Б.Ф., Аницферова Л.И.* История и психология. М.: «Наука», 1971. 383 с.
31. Послание Иннокентия III, запрещающее нападение на Константинополь [Электронный ресурс] // Корреспонденция Иннокентия III. Год 6, № 101 (PL, ССХV, кол. 106–107). URL: <http://century13th.narod.ru/innocent/CI.html> (дата обращения: 30.11.2019).
32. *Репина Л.П.* Социальная память и историческая культура: от античности к новому времени // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. С. 6–7.
33. *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя. М.: Наука, 1986. 174 с.
34. *Стурлусон С.* Круг земной. М.: Наука, 1980. 687 с.
35. *Тернер В.* Символ и ритуал. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 277 с.
36. *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.
37. *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. 464 с.
38. *Хейзинга Й.* Осень Средневековья. М.: «Наука», 1988. 544 с.
39. *Хинес Перес де Ита.* Повесть о Сегри и Абенсerraхах, мавританских рыцарях из Гранады. М.: «Наука», 1981 г. 288 с.
40. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, 1999. 282 с.
41. *Шкуратов В.А.* Историческая психология. Книга первая. Введение в историческую психологию. 3-е, расш. изд. М.: КРЕДО, 2015. 244 с.
42. *Berne E.* The structure and dynamics of organizations and groups. New York: Grove Press, 1963. 260 p.
43. *Carlisle R.P.* Encyclopedia of Play in Today's Society. Los Angeles: SAGE Publications, 2009, 980 p.
44. *Carlson M.* Performance: A Critical Introduction. 3rd Edition. Routledge, 2018. 219 p.
45. *Erskine R.G.* Script cure: Behavioral, intra psychic, and physiological // Transactional Analysis Journal. April 1980. Vol. 10 (2). P. 102–106.
46. *Erskine R.G., Zalcman M.J.* The racket system: A model for racket analysis // Transactional Analysis Journal. 1979. No. 9. P. 51–59.
47. *Hilton D.J., Liu J.H.* History as the narrative of a people: From function to structure and content // Memory Studies. 2017. Vol. 10 (3). P. 297–309.
48. *Henry P.* Meursault as Antithesis of “Homo Ludens” from J. Huizinga to Eric Berne // Kentucky Romance Quarterly. 1974. Vol. 21. Issue 3. P. 365–374. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03648664.1974.9928068?journalCode=vzrq20> (дата обращения: 19.11.2019).
49. *McLynn F.* Lionheart and Lackland: King Richard, King John and the Wars of Conquest. London: Vintage Books, 2007. 368 p.
50. Narratives and Social Memory: Theoretical and Methodological Approaches / In R. Cabecinhas, L. Abadia (eds.). Lisbon, Portugal: Instituto da cooperação portuguesa, 2013. 343 p.
51. *Steams P.N.* Social history update encountering postmodernism // Journal of Social History. 1990. Vol. 24 (2). P. 449–452.
52. *Tleubayev S.Sh., Kulbekova A.K., Tleubaeva B.S., Bolysbaev D.S., Zhiyenbekova A.A., Dosbaganbetova A.T., Kistaubayev Y.I., Omar E.O., Isengalieva A.G.* The game as the essence of culture. El juego como esencia de la cultura // Revista ESPACIOS. 2017. Vol. 38 (54). P. 29–41.

References

1. Alisova T.B., Pluzhnikova K.N. Staroprovansal'skii yazyk i poeziya trubadurov: Uchebnoe posobie [Old Provençal Language and Poetry of the Troubadours: A Study Guide]. Moscow: MAKS Press, 2011. 176 p. (In Russ.).
2. Artem'eva E.Yu. Osnovy psikhologii sub"ektivnoi semantiki [Fundamentals of the Psychology of Subjective Semantics]. Moscow: Nauka; Smysl, 1999. 350 p. (In Russ.).
3. Balakin V.D. Otton III [Otto III]. *Voprosy istorii = Historical Issues*, 2001, no. 9, pp. 65–84. (In Russ.).
4. Belyavskii I.G. Istoricheskaya psikhologiya [Historical psychology]. Odessa: Odesskii gosudarstvennyi un-t, 1991. 250 p. (In Russ.).
5. Berdnikov L.I. Derzkaya imperiya: nrvy, odezhda i byt Petrovskoi epokhi [Daring empire: customs, clothes and life of the Peter the Great era]. Moscow: AST, 2018. 384 p. (In Russ.).
6. Bern E. Za predelami igr i stsenariiev [Beyond games and scenarios]. Minsk: Popurri, 2007. 464 p. (In Russ.).
7. Bern E. Iгры, v kotorye igrayut lyudi. Psikhologiya chelovecheskikh vzaimootnoshenii. Lyudi, kotorye igrayut v igrы. Psikhologiya chelovecheskoi sud'by [Games people play. Psychology of Human Relations. People play games. Psychology of human fate]. St. Petersburg: Spetsial'naya Literatura, 1995. 398 p. (In Russ.).
8. Bobrova E. Yu. Osnovy istoricheskoi psikhologii [Fundamentals of historical psychology]. St. Petersburg: Publ. SPbGU, 1997. 235 p. (In Russ.).
9. Bol'shoi psikhologicheskii slovar' [Large psychological dictionary]. 4-e izd. In Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. (eds.). Moscow: AST: AST MOSKVA; St. Petersburg: Praim-EVROZNAK, 2009. 811 p. (In Russ.).
10. Grigorii Turskii. Istoriya frankov [Historia Francorum]. Moscow: Nauka, 1987. 462 p. (In Russ.).
11. Gurevich A.Ya. Istoricheskii sintez i Shkola «Annalov» [Historical synthesis and the Annales School]. Moscow: Indrik, 1993. 327 p. (In Russ.).
12. Demoz L. Psikhohistoriya [Psychohistory]. Rostov-na-Donu: Feniks, 2000. 512 p. (In Russ.).
13. Evropeiskaya novella Vozrozhdeniya [European short story of the Renaissance]. In N. Balashov (eds.). Moscow: Khud. Lit., 1974. 654 p. (In Russ.).
14. Zinchenko V.P., Mamardashvili M.K. Problema ob"ektivnogo metoda v psikhologii [The problem of the objective method in psychology]. *Voprosy filosofii = Philosophy Issues*, 1977, no. 7, pp. 109–125. (In Russ.).
15. Zubkova E.Yu., Kupriyanov A.Yu. Mental'noe izmerenie istorii: poiski metoda [Mental dimension of history: search for a method]. *Voprosy istorii = Historical Issues*, 1995, no.7, pp. 153–160. (In Russ.).
16. Interaktsionizm v amerikanskoj sotsiologii i sotsial'noi psikhologii pervoi poloviny XX veka: Sb. perevodov [Interactionism in American sociology and social psychology of the half of the twentieth century: Sat. translations]. In Efremenko D.V. (ed). Moscow: Publ. RAN, INION, 2010. 322 p. (In Russ.).
17. Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossiiskogo mentaliteta [Historiogenesis and the current state of the Russian mentality]. In Kol'tsov V.A., Kharitonov E.V. (eds.). Moscow: Publ. Institut psikhologii RAN, 2015. 478 p. (In Russ.).
18. Istoricheskaya psikhologiya: predmet, struktura i metody: Ucheb. posobie [Historical psychology: subject, structure and methods: Textbook]. In Korolev A.A. (ed.). Moscow: Publ. Mosk. Gumanit. Univ., 2004. 166 p. (In Russ.).
19. Istoriya Italii: v 3 t. T.1 [History of Italy: in 3 vol. Vol. 1]. In Skazkin S.D. (eds.). Moscow: Nauka, 1970. 580 p. (In Russ.).
20. Kaiua P. Iгры i lyudi; Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury [Games and people; Articles and essays on the sociology of culture]. Moscow: OGI, 2007. 304 p. (In Russ.).

21. Korolev A.A. Istoricheskaya psikhologiya kak integral'naya otrasl' obshchestvoznaniya. Nekotorye voprosy metodologii (vzglyad istorika) [Historical psychology as an integral branch of social science. Some questions of methodology (view of the historian)]. In A.A. Korolev (ed.). *Istoricheskaya psikhologiya: predmet, struktura i metody: Uchebnoe posobie* [Historical psychology: subject, structure and methods: Textbook]. Moscow: Publ. Mosk. Gumanit. Univ., 2004, pp. 65–88. (In Russ.).
22. Krachkovskii I.Yu. Arabskaya poeziya v Ispanii [Arabic poetry in Spain]. *Izbrannye sochineniya: v 6 t. T. 2* [Selected works: in 6 vol. Vol. 2]. Moscow – Leningrad: Publ. Akad. nauk SSSR, Publ. Acad. Sciences USSR, 1955–1960, pp. 470–523. (In Russ.).
23. Le Rue Ladyuri E. Montaiyu, oksitanskaya derevnya (1294–1324) [Montaillou, village Occitan (1294–1324)]. Ekaterinburg: Publ. Ural. Univ., 2001. 536 p. (In Russ.).
24. Makarov V.V., Makarova G.A. Tranzaktnyi analiz – vostochnaya versiya [Transactional Analysis – Eastern Version]. Moscow: Al'ma Mater, Akademicheskii Proekt, 2008. 399 p. (In Russ.).
25. Osokin N.A. Istoriya al'bigoitsev i ikh vremeni [History of the Albigensians and their time]. Moscow: AST, 2003. 896 p. (In Russ.).
26. Petr Abelyar. Istoriya moikh bedstviy [Pierre Ab lard. The story of me misfortunes]. Moscow: IFRAN, 2011. 125 p. (In Russ.).
27. Petrenko V.F., Mitina O.V. Psikhosemanticheskaya rekonstruktsiya predstavlenii o proshlom [Psychosemantic reconstruction of ideas about the past]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical psychology and sociology of history*, 2011, no. 2, pp. 151–178. (In Russ.).
28. Pis'mo Innokentiya III markizu Monferratu, osuzhdayushchee ograblenie Konstantinopolya [Elektronnyi resurs] [Letter of Innocent III to the Marquis of Montferrat, condemning the robbery of Constantinople]. *Korrespondentsiya Innokentiya III. God 8, no. 133* [Correspondence of Innocent III. Year 8, no. 133] (PL, CCXV, kol. 710–714). URL: <http://century13th.narod.ru/innocent/CXXXIII.html> (Accessed 29.11.2019). (In Russ.).
29. Porshnev B.F. Kontrsuggestiya i istoriya (Elementarnoe sotsial'no-psikhologicheskoe yavlenie i ego transformatsii v razvitii chelovechestva) [Counter-suggestion and history (Elementary socio-psychological phenomenon and its transformation in the development of mankind)]. *Istoriya i psikhologiya = History and psychology*. Moscow: Nauka, 1971, pp. 7–35. (In Russ.).
30. Porshnev B.F., Antsyferova L.I. Istoriya i psikhologiya [History and Psychology]. Moscow: Nauka, 1971. 383 p. (In Russ.).
31. Poslanie Innokentiya III, zapreshchayushchee napadenie na Konstantinopol' [Elektronnyi resurs] [The message of Innocent III, prohibiting the attack on Constantinople]. *Korrespondentsiya Innokentiya III. God 6, no.101* [Correspondence of Innocent III. Year 6, no. 101 (PL, CCXV, kol. 106–107)]. URL: <http://century13th.narod.ru/innocent/CI.html> (Accessed 30.11.19). (In Russ.).
32. Repina L.P. Sotsial'naya pamyat' i istoricheskaya kul'tura: ot antichnosti k novomu vremeni [Social memory and historical culture: from antiquity to modern times]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii* [Dialogue with time. Almanac of Intellectual History]. Vyp. 7. Moscow, 2001, pp. 6–7. (In Russ.).
33. Rober de Klari. Zavoevanie Konstantinopolya [Conquest of Constantinople]. Moscow: Nauka, 1986. 174 p. (In Russ.).
34. Sturluson S. Krug zemnoi = Heimskringla [Circle of the Earth = Heimskringla]. Moscow: Nauka, 1980. 687 p. (In Russ.).
35. Ternер V. Simvol i ritual [Symbol and ritual]. Moscow: Nauka, 1983. 277 p. (In Russ.).
36. Fevr L. Boi za istoriyu [Battles for history]. Moscow: Nauka, 1991. 629 p. (In Russ.).
37. Kheizinga I. Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya [Homo ludens. In the shadow of tomorrow]. Moscow: Publ. "Progress", "Progres-Akademiya", 1992. 464 p. (In Russ.).
38. Kheizinga I. Osen' Srednevekov'ya [Autumn of the Middle Ages]. Moscow: Nauka, 1988. 540 p. (In Russ.).

39. Khines Peres de Ita. Povest' o Segri i Abenserrakhakh, mavritanskikh rytsaryakh iz Granady [The tale of the Segri and the Abencerrajes, the Moorish knights from Granada]. Moscow: Nauka, 1981. 288 p. (In Russ.).
40. Sheler M. Resentiment v strukture morale [Ressentiment in the structure of morals]. St. Petersburg: Nauka, 1999. 282 p. (In Russ.).
41. Shkuratov V.A. Istoricheskaya psikhologiya. Kniga pervaya. Vvedenie v istoricheskuyu psikhologiyu [Historical psychology. Book one. Introduction to Historical Psychology]. 3-e, rassh. izd. Moscow: KREDO, 2015. 244 p. (In Russ.).
42. Berne E. The structure and dynamics of organizations and groups. New York: Grove Press, 1963. 260 p.
43. Carlisle R.P. Encyclopedia of Play in Today's Society. Los Angeles: SAGE, 2009. 980 p.
44. Carlson M. Performance: A Critical Introduction. 3rd Edition. Routledge, 2018. 219 p.
45. Erskine R.G. Script cure: Behavioral, intra psychic, and physiological. *Transactional Analysis Journal*, April 1980. Vol. 10, no. 2, pp. 102–106.
46. Erskine R.G., Zalcman M.J. The racket system: A model for racket analysis. *Transactional Analysis Journal*, 1979, no 9, pp. 51–59.
47. Hilton D.J., Liu J.H. History as the narrative of a people: From function to structure and content. *Memory Studies*, 2017. Vol. 10, no. 3, pp. 297–309.
48. Henry P. Meursault as Antithesis of "Homo Ludens" from J. Huizinga to Eric Berne [Elektronnyi resurs]. *Kentucky Romance Quarterly*, 1974. Vol. 21, Issue 3, pp. 365–374. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03648664.1974.9928068?journalCode=vzrq20> (Accessed 19.11.2019).
49. McLynn F. Lionheart and Lackland: King Richard, King John and the Wars of Conquest. London: Vintage Books, 2007. 368 p.
50. Narratives and Social Memory: Theoretical and Methodological Approaches. In R. Cabecinhas, L. Abadia (eds.). Lisbon, Portugal: Instituto da cooperação portuguesa, 2013. 343 p.
51. Stearns P.N. Social history update encountering postmodernism. *Journal of Social History*, 1990. Vol. 24, no. 2, pp. 449–452.
52. Tleubayev S.Sh., Kulbekova A.K., Tleubaeva B.S., Bolysbaev D.S., Zhiyenbekova A.A., Dosbaganbetova A.T., Kistaubayev Y.I., Omar E.O., Isengalieva A.G. The game as the essence of culture. El juego como esencia de la cultura. *Revista ESPACIOS*, 2017. Vol. 38, no. 54, pp. 29–41.

Информация об авторах

Данилова Анна Геннадиевна, редактор реферативного журнала «Психология», старший научный сотрудник, Отдел научной информации по проблемам наук о жизни, ФГБУН «Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук» (ВИНИТИ РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3548-372X>, e-mail: a_g_danilova@mail.ru

Information about the authors

Anna G. Danilova, editor of abstract journal «Psychology», research fellow, Department of Scientific Information on Life Sciences, All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences (VINITI RAS), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3548-372X>, e-mail: a_g_danilova@mail.ru

Получена 11.12.2019

Принята в печать 14.10.2020

Received 11.12.2019

Accepted 14.10.2020